

Пань Сюань не стал дальше стремиться к освоению более глубоких техник создания артефактов.

Всё потому, что при попытке выковать Наивысшее Духовное Сокровище Позднего Неба он столкнулся с непреодолимым препятствием.

Создание столь высокого творения предъявляло крайне суровые требования к запасу духовной энергии, а собственные силы Пань Сюаня на ступени Золотого Бессмертного казались перед этой потребностью жалкими и ничтожными, напоминая каплю воды в горящем очаге — их попросту не хватало, чтобы выдержать столь тяжкий процесс.

Столкнувшись с подобной тупиковой ситуацией, Пань Сюань преисполнился беспомощности: он прекрасно понимал, что при нынешнем уровне сил пытаться силой выковать Наивысшее Духовное Сокровище Позднего Неба — лишь пустая трата времени.

Тщательно всё обдумав, он переключил своё внимание на иное направление: попытаться объединить полученные им Бессмертную Технику Тайцин и Бессмертную Технику Шанцин со своим изначальным Бессмертным Искусством Юйцин, чтобы воссоздать легендарное Первичное Искусство Девяти Витков.

Он прекрасно сознавал, что путь этот окажется невероятно трудным, но если удастся преуспеть, прирост мощи превзойдет любые ожидания.

К тому же, у него оставалась «скрытая карта» — возможность озарения, полученная им после успешного завершения задачи по закалке тела.

Пань Сюань про себя решил: сначала он попробует совместить техники своими силами, а если прорваться сквозь тупик никак не удастся, тогда он воспользуется тем драгоценным шансом на озарение, который уж точно должен будет ему помочь.

Не колеблясь ни секунды, Пань Сюань немедленно отправился на поиски Юань-ши Тянь-цзуня.

Представ перед Юань-ши Тянь-цзунем, он почтительно поклонился и серьезно произнес:

— Отец, твой сын желает уединиться для затворничества и пришел предупредить тебя об этом.

Юань-ши Тянь-цзунь слегка кивнул, его взгляд был наполнен большими надеждами, и он сказал:

— Иди, погрузись в созерцание, надеюсь, ты обретишь то, к чему стремишься.

Пань Сюань поблагодарил Юань-ши Тянь-цзуня, повернулся, вернулся в свои покои и начал это важнейшее затворничество.

Прежде чем приступить к объединению трех бессмертных техник в единое целое, Пань Сюань отчетливо понимал истину: поспешишь — людей насмешишь.

Он потратил ровно сто лет, целиком и полностью посвятив себя изучению Бессмертной Техники Тайцин и Бессмертной Техники Шанцин.

День и ночь он погружался в смыслы и догмы обоих учений, разбирая их буква за буквой и не упуская ни единой детали.

Разобравшись с очередным фрагментом, он кропотливо сопоставлял его с Бессмертным Искусством Юйцин, которое уже давно знал как свои пять пальцев, и старательно выискивал между ними различия и общие черты.

Все эти сто лет в покоях царила абсолютная тишина; лишь фигура Пань Сюаня, растворившегося в мире бессмертных учений, то хмурила брови в раздумьях, то озарялась пониманием.

Наконец, обретя более глубокое понимание всех трех техник, Пань Сюань официально приступил к попытке их слияния, намереваясь прорваться к Первичному Искусству Девяти Витков.

Он затаил дыхание и сосредоточился, пуская в ход внутреннюю энергию, пытаясь заставить силы трех учений переплестись и слиться воедино.

Однако этот процесс оказался многократно сложнее, чем он предполагал.

Энергии различных учений отторгали друг друга, словно обладая собственной волей, и противились любому сглаживанию.

Пань Сюань стиснул зубы, непрерывно меняя способы циркуляции духовных сил и перебрав бесчисленное множество вариантов.

Время неслось стремительно, пролетели еще сто лет, но три техники по-прежнему не желали объединяться, и усилия Пань Сюаня, казалось, зашли в тупик.

Хотя в душе Пань Сюаня жило глухое недовольство, он понимал, что нельзя продолжать слепо ждать.

Глубоко вздохнув, он решительно мысленно воззвал:

— 9527, использовать шанс на озарение!

В тот же миг таинственная и мощная сила хлынула в его сознание.

Прежде хаотичные мысли мгновенно прояснились, и бесчисленные озарения хлынули потоком, подобно бурлящей волне.

Те самые трудности слияния техник, что так долго мучили его и казались неразрешимыми, теперь, в сиянии этой силы озарения, выглядели проще простого.

Благодаря чудесной поддержке озарения, Пань Сюань всецело отдался процессу слияния.

Прошло всего пятьдесят лет, и три бессмертные техники наконец успешно соединились — так вновь явилось Первичное Искусство Девяти Витков.

Глядя на Первичное Искусство Девяти Витков, испускающее в его руках таинственное сияние, Пань Сюань переполнился трепетом и радостью, не в силах сдержаться, он тут же приступил к практике.

По мере углубления медитации духовная энергия внутри него забурлила стремительной горной рекой.

Пятьсот лет пролетели в одно мгновение, и культивация Пань Сюаня, сделав гигантский скачок вперед, успешно прорвалась к пику ступени Золотого Бессмертного Тайи, после чего он медленно завершил это исполненное глубокого смысла уединение.

Выйдя из затворничества, он, не в силах сдержать охватившее его волнение, первым делом направился в обитель Юань-ши Тянь-цзуня.

Переступив порог величественного и торжественного дворца, Пань Сюань быстрым шагом подошел к Юань-ши Тянь-цзуню. Почтительно поклонившись, он, уже не скрывая своего возбуждения, произнес:

— Отец, в ходе этого уединения твой сын смог совершить прорыв и достиг пика ступени Золотого Бессмертного Тайи.

Юань-ши Тянь-цзунь поднял взгляд, в котором читались глубокое удовлетворение и радость. Он слегка кивнул, а его голос звучал мягко и в то же время с ноткой похвалы:

— Сюань-эр, то, чего ты добился сегодня, — плод твоих собственных стараний. Ты не запустил тренировки, несмотря на свой природный дар и статус моего сына, и это поистине дорогого стоит.

После короткой и теплой беседы между отцом и сыном Юань-ши Тянь-цзунь посерьезнел и медленно произнес:

— Сюань-эр, пока ты предавался затворничеству, в мире Хунхуан произошло два великих события.

Юань-ши Тянь-цзунь слегка замолк, словно вспоминая ту грандиозную картину:

— Во-первых, подошла к концу Первая война клана Ву и клана Демонов. Двенадцать Предков-Магов применили Великий массив божественных злых духов двенадцати небес, чья чудовищная мощь не уступала силе Святых, и погнали Клан Яо в отступление.

Армия клана Ву под предводительством Двенадцати Предков-Магов сокрушала всё на своем пути, двигаясь напрямик к Двору Демонов.

Когда казалось, что воины клана Ву вот-вот штурмом возьмут Двор Демонов, в решающий момент явился Предок Дао и остановил эту битву.

Хотя сердца воинов клана Ву кипели от негодования, из-за вмешательства Предка Дао им пришлось смириться.

В конце концов Предок Дао установил правила: Клан Яо властвует на небесах, а клан Ву — на земле, и в течение трех тысяч лет никакой новой войны не начинать.

Юань-ши Тянь-цзунь сделал небольшую паузу, на его лице промелькнуло выражение беспомощности, и он продолжил:

— Во-вторых, между Учением Чжань и Учением Цзе из-за разногласий в догматах постепенно назрел конфликт.

Учение Цзе проповедует отсутствие различий в обучении, а потому под его началом собралось бесчисленное множество учеников. Многие из них еще не успели обрести человеческий облик, а иные даже не до конца завершили превращение. Обитая на Горе Куньлунь, эти ученики вели себя неизбежно грубо и неотесанно, превратив Гору Куньлунь в балаган.

Я был не в силах смотреть на это дальше и позвал твоего третьего дядю Цзэ-тянь Цзяо-чжу в надежде, что он изженет с Горы Куньлунь тех учеников, чье превращение не завершилось до конца, дабы не нарушать здешнюю чистоту и покой.

Но твой третий дядя категорически отказался, посчитав, что такова суть доктрины Учения Цзе и нельзя отворачиваться ни от одного существа, стремящегося к Дао.

Мы стояли каждый на своем и не желали уступать друг другу, в конце концов между нами разразилась яростная ссора, и мы расстались во враждебных чувствах.

Юань-ши Тянь-цзунь легко вздохнул и продолжил:

— Вернувшись во Дворец Бию, Цзэ-тянь Цзяо-чжу распалялся всё больше и больше. В гневе он увел всех учеников Учения Цзе с Горы Куньлунь и направился на Остров Цзиньбао в Восточном море, чтобы заново основать Учение Цзе.

А твой дядя Тай-шан Лао-цзунь, увидев, что на Горе Куньлунь больше нет прежней гармонии Трех Чистых, тоже решил уйти и отправился на Гору Шоюан воссоздавать обитель.

Теперь на этой огромной Горе Куньлунь осталась лишь моя обитель Учения Чжань.

Услышав об этом, Пань Сюань невольно ощутил в сердце горечь и досаду.

Вспоминая прошлое, до своего уединения, он приложил столько сил и исчерпал все мыслимые способы, отчаянно пытаясь сгладить напряженные до предела отношения между Учением Чжань и Учением Цзе.

Тогда он лавировал между двумя учениями, используя свой статус и ум, неоднократно выступал посредником и примирителем в надежде стереть трещины между ними и вернуть внутреннюю гармонию в лоно учений Трех Чистых.

Кто же знал, что всё обернется иначе: стоило ему завершить затворничество, как выяснилось, что мир перевернулся, Три Чистых раскололись, а все его прошлые труды в мгновение ока пошли прахом.

Едва мысли Пань Сюаня отвлеклись от распри двух учений, как он невольно вспомнил о затяжной и жестокой войне между кланом Ву и кланом Демонов.

То потрясающее небо и землю грандиозное побоище уже давно взбудоражило весь мир и принесло неисчислимые страдания живым существам.

И хотя благодаря вмешательству Предок Дао Хунцзюнь бойню удалось остановить силой, установив перемирие на три тысячи лет,

Пань Сюань отчетливо понимал: эти три тысячи лет — лишь короткое затишье перед бурей.

Учитывая кровавую вражду между кланом Ву и кланом Демонов, спустя три тысячи лет война вспыхнет с новой силой, и это будет еще более безжалостная, отчаянная битва не на жизнь, а на смерть.

К тому моменту верхушка обеих противоборствующих сторон с большой долей вероятности погибнет в этой мясорубке, и обе стороны навсегда утратят шанс побороться за звание истинных владык небес и земли.

Если взглянуть на всё это шире, то человечество, хотя пока еще и кажется слабым, в круговороте великих земных перемен неумолимо восходит к роли истинных властителей мира.

При этих мыслях Пань Сюань преисполнился глубоких чувств: перемены в мире непредсказуемы, силы поднимаются и падают, но кто способен по-настоящему совладать с этой поступью судьбы?